Записки Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени горного института им. Г. В. Плеханова, т. LIII, вып. 3, 1972 г.

В. Е. Шор

К ВОПРОСУ О ЗАВОЕВАНИЯХ СОВЕТСКОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА

(на материале переводов «Острова пингвинов» Анатоля Франса)

«Остров пингвинов» (1908) — роман-памфлет. Под видом фантастической истории пингвинов, крещенных по ошибке подслеповатым святым, а затем превращенных в людей, Франс развертывает сатирическую картину прошлого и настоящего Франции. Но смысл романа шире и глубже, нежели пародирование французской национальной истории. Представленная в обобщенной и иносказательной форме, история французского народа символизирует здесь историю всего человечества Литературный прием, найденный Франсом, дает ему возможность быть независимым от действительных исторических фактов и, лишь используя их для типических обобщений, свободно домышлять, фантазировать с целью вскрыть самое существо исторического процесса.

Как и в «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, в «Острове пингвинов» объектом сатиры является не столько история, сколько современность. Разоблачение классового угнетательского характера современного общественного строя и охраняющих его государственных и политических институтов — идейный стержень романа. Условно-иносказательная манера повествования позволяет Франсу эффективно использовать метод гротеска — могучее средство сатирического обличения.

Поэтика гротеска в «Острове пингвинов» реализуется в формах упрощения и гиперболизации, вскрывающих низменную сущность общественных явлений и процессов, которым официальная буржуазная идеология воскуряет фимиам или по крайней мере старается придать благообразное обличье.

В уста разных персонажей Франс вкладывает софистические оправдания всевозможных социально-политических нелепостей и несправедливостей. Но поскольку такие рассуждения тщатся оправдать то, что уже ранее раскрыто автором как преступление или дикий предрассудок, поскольку они принимают за исходные аксиомы заведомый абсурд, то, сохраняя сходство с положениями официальной идеологии, они приобретают явно пародийный характер. Своей несуразностью они подрывают сами себя, а тем самым и те «серьезные» образцы, которые они передразнивают. Пародия во многих случаях превращается в бурлеск: традиционно-возвышенное выступает в сниженном и комическом виде.

Как и во всем творчестве Франса, в «Острове пингвинов» осуществление идейно-художественных задач автора достигается в значительной мере посредством жанровой и языковой стилизации. Различные жанры и стили подвергаются в романе-памфлете Франса ироническому и от-

кровенно пародийному переосмыслению. Стилизованным является голос историка-буквоеда и традиционалиста, которым говорит автор в предисловии и в ряде последующих глав. В начале романа Франс прибегает к стилизации под житийную литературу. Очевидный абсурд житийной фантастики, комическое неправдоподобие основной ситуации (крещение пингвинов) совершенно дискредитируют христианскую агиографию. Наивнейшие сказки излагаются Франсом как бы всерьез, с мнимо-искренним благоговением. Уже в этом одном заключается ироническое переосмысление жанра. Комический эффект усиливается благодаря контрасту между возвышенной манерой речи и заведомо нелепым или игриво-фривольным содержанием.

В дальнейшем на страницах книги мы снова сталкиваемся с елейной или высокопарной поповской речью: ее лживость неизменно разоблачается снижающими ситуациями, нередко приводящими к комическому столкновению высокой лексики с просторечной и даже арготической.

В главах, посвященных новым временам, предметом стилизационного воспроизведения и сатирического осмеяния являются напыщенные официальные стили — административно-юридический и политико-демагогический. Под пером Франса обнаруживается, что казенные стили представляют собой не что иное, как «красивое» речевое воплощение бессовестнейшей лжи, фразеологические системы, призванные возвышать, украшать и освящать те общественные институты, которые служат интересам правящих классов. Оперируя стилистическими средствами, Франс наносит сильнейший удар по идеологической надстройке современного буржуазного общества[1].

Воспроизведение стиля оригинала — важнейшее условие полноценности художественного перевода и основная проблема переводческой работы. Задача переводчика осложняется еще более, когда автор прибегает к стилизации, представляющей собой сознательную реконструкцию чужого стиля. Переводчику «Острова пингвинов» нужно не только владеть русскими эквивалентами всех стилей, образующих речевую ткань романа, но и учитывать каждый раз характер их взаимодействия, выявлять достигаемые их сочетаниями и столкновениями в оригинале художественные эффекты, которые неизменно служат идейным целям автора.

«Остров пингвинов» был впервые выпущен на русском языке издательством «Шиповник» почти одновременно с выходом в свет французского оригинала, осенью 1908 г. Такая «оперативность» оказалась возможной потому, что издательство получило в свое распоряжение, как указывалось на титульном листе, «единственно разрешенный автором перевод с рукописи». Перевела роман Франса З. А. Венгерова.[2]

Переводчица, несомненно, понимала, что дерзкая книга Франса, подрывающая все устои собственнического общества, может навлечь

---

[1] Подробнее о стиле Франса см.: К. А. Долинин. О стиле романа А. Франса «Остров пингвинов». Уч. зап. ЛГПИ, т. 212, 1959, стр. 133—151; Е. Г. Эткинд. Семинарий по французской стилистике, ч. I. Проза. Изд. 2-е. М.—Л., 1964, стр. 249—255.

[2] Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1941) — историк литературы, критик и переводчик, много сделала для ознакомления русского читателя с западноевропейскими литературами. Ее перу принадлежат три тома «Литературных характеристик» (1897—1910), первый перевод на русский язык романа Э. Войнич «Овод» (1898). С начала 20-х годов З. А. Венгерова жила за границей (последние годы жизни в США), но не утрачивала научных связей с СССР. В 1937 г. в № 31-32 «Литературного наследства» была опубликована ее большая статья «Парижский архив кн. Урусова». — См.: A. France. L'île des pingouins. Paris, 1908; А. Франс. Остров пингвинов. Перевод З. А. Венгеровой. СПб., 1908.

на себя репрессии царской цензуры. Наиболее опасными были главы VI и VII первой книги «Совещание в раю». Они прямо подпадали под действие статей 73 и 74 Уголовного уложения, предусматривавших преследование за «кощунство». Поэтому переводчица вынуждена была внести ряд изменений в текст, чтобы сделать его «проходимым». Царская цензура, скрепя сердце, допустила роман Франса в переводе З. А. Венгеровой к свободному обращению «в публике».

Но на другое издание романа в русском переводе, не смягчавшем острые места оригинала (московское книгоиздательство «Заря», 1908 г.; на титуле имена переводчиков — Я. Мацкевич и И. Хвойник), московским комитетом по делам печати был наложен арест, и Московский окружной суд постановил весь тираж книги уничтожить[3].

Любопытно, что большая часть перевода, вышедшего под именами Я. Мацкевича и И. Хвойника, текстуально совпадает с переводом З. А. Венгеровой (он лишь кое-где слегка подредактирован, причем правка очень невелика и непринципиальна). Причина этого совпадения, конечно, не случайного, к сожалению, остается невыясненной.

После Великой Октябрьской социалистической революции новое издание «Острова пингвинов» в неискаженном виде стало одним из насущных издательских дел.

В 1919 г. организованное и руководимое А. М. Горьким издательство «Всемирная литература» предприняло выпуск собрания сочинений А. Франса под редакцией известного поэта и переводчика М. Кузмина. Начало изданию было положено шестым томом, который включал в себя «Остров пингвинов» и предисловие к роману, написанное М. Кузминым[4]. С этим изданием связано странное недоразумение: на титульном листе указано «перевод Е. Бекетовой»[5]; а в конце книги, на обороте обложки напечатана «Поправка», текст которой гласит: «На титульном листе неправильно напечатана фамилия переводчицы: перевод сделан З. А. Венгеровой». Как могла произойти такая путаница? Едва ли здесь имела место просто неряшливость. Редколлегия «Всемирной литературы» сразу взяла установку на тщательную подготовку изданий, и хотя «Остров пингвинов» был выпущен в самом начале деятельности издательства, подобное происшествие не могло приключиться без всяких поводов. Очевидно, Е. Бекетова все же имела касательство к изданию «Острова пингвинов». Можно предполагать, что она была фактическим редактором перевода. Редактирование переводов было в то время совсем новым делом. «Всемирная литература» впервые ввела эту процедуру в систему. Однако вначале, видимо, было неясно, при каких условиях редактор становится соавтором или даже автором перевода.

Возобладала все же, как явствует из «Поправки», та точка зрения, которая лежит в основе наших сегодняшних представлений о соотношении авторства и редактуры в переводе.

Редакторская правка перевода З. А. Венгеровой была количественно незначительной, но принципиальной. В ней нашла свое выражение

---

[3] См.: А. Франс. Остров пингвинов. Перевод Я. Мацкевича и И. Хвойника. М., 1908; Л. Полянская. Анатоль Франс и царская цензура. «Красный архив», 1934, т. 67; И. Я. Айзенштok. Французские писатели в оценках царской цензуры. «Литературное наследство», 1939, № 33—34.

[4] Кроме шестого тома, в свет вышли только: т. 9 — «Восстание ангелов. Повести и рассказы», 1919 и т. 8. «Рассказы», 1922.

[5] Бекетова Елизавета Григорьевна была в конце XIX — начале XX в. известной переводчицей. Ей принадлежат переводы произведений В. Скотта, Ч. Диккенса, Бret-Гарта и др. — См.: А. Франс. Собр. соч., т. 6. Остров пингвинов. Перевод З. А. Венгеровой. Пг., 1919.

установка редакционной коллегии издательства на максимальную «точность» перевода. Перевод «Острова пингвинов» не везде удовлетворял критериям точности, которые были приняты «Всемирной литературой». Хотя З. А. Венгерова в основном послушно шла за словами французского текста, не позволяя себе существенных синтаксических перестроек или подстановки одних частей речи вместо других, она довольно часто допускала отступления в местах, для смысла фразы второстепенных, прибегала к синонимическим оборотам, на какой-то угол расходящимся с прямым и буквальным смыслом французского текста. Во многих случаях без особой надобности она позволяла себе распространительный (амплификационный) перевод.

Всего этого редактор «Всемирной литературы» потерпеть не мог. В тексте перевода скрупулезно восстанавливаются прямые лексические значения слов французского подлинника, ужимаются амплификации. Так понимает «Всемирная литература» в начале своей деятельности задачу борьбы с переводческим своеволием предыдущего времени. В результате перевод многих мест романа действительно уточняется. Однако целый ряд изменений ничего не дает ни для смысла, ни для художественного качества текста: какие-то места подлинника были переданы З. А. Венгеровой не идеально «точно» и не слишком художественно; в отредактированном тексте те же самые места переведены «точно», но художественности от этого не прибавилось. Сравним для примера первоначальный и отредактированный варианты перевода первых двух абзацев авторского «Предисловия» (разночтения выделены курсивом):

«Несмотря на *обилие* развлечений, которые, казалось бы, привлекают меня, у меня в жизни *одна только* цель. Я всецело *поглощен одной* великой задачей: я пишу историю пингвинов и *усердно* тружусь *над выполнением моей задачи,* не останавливаясь перед трудностями, которые кажутся порой непреодолимыми.

Я *раскапывал землю в поисках за зарытыми* памятниками этого *племени.* Первыми книгами людей были камни. Я изучал камни, которые можно *считать первыми* летописями пингвинов. Я раскопал на берегу океана нетронутый курган *и* нашел там, как полагается, каменные топоры, бронзовые *копья,* римские монеты и монету в двадцать су с изображением Людовика-Филиппа I, короля Франции» (1908, стр. 7).

«Несмотря на *видимое разнообразие* развлечений, которые, казалось бы, привлекают меня, у меня в жизни *только одна* цель. Я всецело *стремлюсь к выполнению* великой задачи: я пишу историю пингвинов. Я тружусь *над нею усидчиво,* не останавливаясь перед *частыми* трудностями, которые кажутся порой непреодолимыми.

Я *изрыл* землю, *чтобы найти погребенные* памятники этого *народа.* Первыми книгами людей были камни. Я изучал камни, которые можно *рассматривать как начальные* летописи пингвинов. Я раскопал на берегу океана нетронутый курган. *Я* нашел там, как полагается, каменные топоры, бронзовые *мечи,* римские монеты и монету в двадцать су с изображением Людовика-Филиппа I, короля Франции» (1919, стр. 11).

Да, diversité apparente — это буквально «видимое разнообразие», а не «обилие», но что вносит эта поправка, кроме неясности? Что значит «видимое разнообразие развлечений?» На самом деле, значит, они однообразны? Ведь смысл французской фразы состоит в том, что рассказчик, по видимости, предается разнообразным развлечениям, тогда как в действительности он... и т. д. «Я всецело стремлюсь» ничуть не лучше, чем «я всецело поглощен» — даже, пожалуй, хуже, хотя в подлиннике употреблена глагольная форма être tendu — «быть устремлен-

ным». Assidûment по основному словарному значению, конечно, «усидчиво», а не «усердно», но разве выражение «трудиться усидчиво» применительно к ученому не означает то же самое, что «трудиться усердно»? «Рассматривать» и «считать» — полнейшие синонимы. «Начальные летописи» или «первые летописи» — что за разница? Никакой, конечно, но редактор, в соответствии со своей установкой, не может принять слово «первые»: ведь французское primitif буквально значит «первоначальный». Все прочие изменения в приведенном отрывке — того же характера.

Редактор перевода явно не считал, что перед ним стоит некая особая эстетическая задача. Здесь мы сталкиваемся с принципиальным отличием тогдашних взглядов на содержание переводческого труда от воззрений нашего времени. В те времена переводчик прозы полагал, что от него требуется только «точная» передача всех компонентов оригинала. Молчаливо принималось, что при соблюдении этого условия художественность возникает, так сказать, явочным порядком, ибо она заключена в самом оригинале. При этом понятие «точность» распространялось главным образом на семантику оригинала, стилистика же его оставалась в небрежении.

Так подходила к переводу, в сущности, и сама З. А. Венгерова, но редактор «Всемирной литературы», сознательно приняв установку на буквальную точность, настолько ее «педализировал», что вызвал протест переводчицы, с которой правка не была согласована. З. А. Венгерова дала детальную критику редактуры своего перевода в докладе, который был ею прочитан на заседании редакционной коллегии «Всемирной литературы»[6].

Доклад интересен не только конкретными соображениями о переводе «Острова пингвинов» и его редактуре. Он проливает свет на взгляды З. А. Венгеровой на перевод вообще и содержит ценные свидетельства о том новом, что было внесено «Всемирной литературой» в практику переводческой работы и издательской подготовки перевода к печати. В начале доклада З. А. Венгерова пишет: «Первой или, во всяком случае, одной из самых первых книг, вышедших в издательстве „Всемирная литература“, является „Остров пингвинов“ А. Франса. Перевод принадлежит квалифицированному переводчику, редакция поручена была известному писателю (имеется в виду М. Кузмин. — *В. Ш.*) — книга должна бы, таким образом, служить проверкой нового принципа, впервые введенного в литературный обиход „Всемирной литературой“, — принципа редактирования всякого перевода без исключения, именно редактирования другим лицом, а не „просмотра заново“ самим переводчиком, несущим ответственность за свой труд перед читателем»[7].

Весьма существенно следующее замечание автора доклада: «...задачи „Всемирной литературы“ далеки от того, чтобы умножать переводческие перлы, над которыми мы все смеялись с таким сознанием своего превосходства, когда приступали к оздоровлению переводной литературы»[8]. Как видно из этого высказывания, редакционная коллегия «Всемирной литературы» и ее авторский «актив» начинали свою деятельность с постановки больших задач не только в отношении плана изданий, но и в отношении качества переводов, придя к единодушному

---

[6] З. А. Венгерова. Доклад на заседании редакционной коллегии «Всемирная литература». Рукопись хранится в Пушкинском Доме, ф. 39, ед. хр. 436.

[7] Там же, л. 1.

[8] Там же.

мнению, что состояние переводческого дела до революции было неудовлетворительным.

Далее, однако, З. А. Венгерова показывает, что правка ее перевода не соответствует целям, провозглашенным в начале деятельности издательства. Прежде всего она обращает внимание на то, что следовало бы назвать недостаточной квалифицированностью правки. Ряд мест текста, действительно нуждавшихся в исправлении, остался нетронутым. Высказывания З. А. Венгеровой по этому поводу представляют особенный интерес, ибо, между прочим, содержат объяснение мотивов и характера автоцензуры, которая была осуществлена ею за десять лет до того. З. А. Венгерова пишет: «Прежде всего отмечаю главу „Совещание в раю". Глава эта была камнем преткновения для издания „Острова пингвинов" на русском языке, ибо она была сплошь нецензурна. Выпустить же ее, конечно, не хотелось, так как она одна из самых интересных в книге. Мне удалось спасти ее тогда тем, что бога (Seigneur) я заменила архангелом. Хитрость удалась, и русский перевод благополучно прошел в обращение, в то время как французский оригинал (вышедший в печати после русского перевода) не пропускали в России. Французский текст сохранен в переводе полностью, но во всех тех местах, где святые обращаются непосредственно к богу во втором лице и где бог говорит от своего имени в первом, в русском переводе архангел говорит о боге в третьем лице. Тут, конечно, задача редактора нового издания совершенно иная: нужно восстановить текст оригинала: именно этого редактор не делает. Он заменяет только механически архангела господом, остальное же оставляет по-старому, не восстанавливая стертые по необходимости оттенки. Когда в оригинале бог говорит о „заповедях моей церкви" (commandements de mon église), в новом издании оставлено „заповеди церкви", как в старом издании, где это говорил архангел, а не бог. „У них нет звучного голоса, чтобы петь твою хвалу", — говорит Лактанций, обращаясь к богу; в новом издании оставлено „петь хвалу господу". Когда в тексте бог говорит „по наитию моего духа", в новом издании оставлено „святого духа"; когда к богу обращаются со словами „я приношу хвалу тебе, господи", — в новом издании оставлено „я приношу хвалу господу". Весь колорит стерт — и не по необходимости, как прежде, а по непростительному недосмотру редактора» [9].

Таким образом, работа по устранению цензурных искажений не была доведена редактором до конца. Зато его правка устремилась на места, которые, по мнению З. А. Венгеровой (надо признать, убедительно ею обоснованному), вовсе не надо было менять.

З. А. Венгерова указывает на несостоятельность замены «дельфинов» и «Дельфинии» «морскими свинками». Кроме того, что французское marsouins для такой замены не дает оснований, из-за нее возникает ряд неловких выражений. Под «Дельфинией» Франс разумел Англию. В отредактированном переводе вместо названия страны с подходящим для Англии эпитетом получилось «мрачные морские свинки». Не лучше выражения: «Я отправил бы Шатильона к морским свинкам», «философ из страны морских свинок», «флот морских свинок», «принц-регент морских свинок» (о принце Уэльском).

Приведя этот пример, З. А. Венгерова с возмущением восклицает: «...когда столь невежественными „поправками" заменяют (без малейшего основания) существующий верный перевод, то это уже кулачная расправа с переводчиком, которому может справедливо показаться, что

[9] Там же, лл. 7—8.

редактор и его отправил к морским свинкам»[10]. Еще убедительнее другой пример. Во фразе «сирены вздымали свои белые груди» последнее слово заменено словом «горла», что привело к бессмыслице. Очевидно, эта ошибка допущена редактором потому, что он склонен был рассматривать слова изолированно от контекста: слово gorge имеет значение 'горло', но и значение 'женская грудь' также. Не вдумавшись в контекст, редактор взял первое значение. З. А. Венгерова верно подмечает существеннейший недостаток правки: «Подавляющее большинство редакционных исправлений заключается в упрямо систематической замене литературного перевода буквальным. Только в этом смысле и в никаком другом редактор и понимает свои обязанности: он сидит с указкой, ему дела нет до смысла, до стиля; он только поверяет перевод — в тех местах, где действительно поверяет — по словарю и восстанавливает дословность»[11].

Слепой буквализм правки, хотя и вызванный похвальными намерениями, укрепляет сомнения в том, что действительным редактором перевода был М. Кузмин, крупный русский поэт, отличный переводчик, создавший превосходные переводы «Золотого осла» Апулея, романов А. де Ренье и других выдающихся произведений мировой литературы.

Перевод З. А. Венгеровой в той редакции, какую он приобрел во «Всемирной литературе», в последующие годы перепечатывался несколько раз без дальнейших изменений.

В 1928 г. издательство «Земля и фабрика» приступило к изданию 20-томного собрания сочинений А. Франса под общей редакцией и с предисловием А. В. Луначарского. В первом томе читателю был предложен «Остров пингвинов» в новом переводе под редакцией Е. Ф. Корша[12].

При сравнении этого перевода с переводом З. А. Венгеровой между ними не удается обнаружить какие-нибудь принципиальные расхождения, хотя лексически они не тождественны. Можно сказать, что различие их состоит в безразличных по смыслу синонимах.

Отдельные лексические элементы текста — вот что прежде всего переводилось и З. А. Венгеровой (сравнительно неточно), и ее редактором в издательстве «Всемирная литература» (сравнительно более точно), и анонимным переводчиком ЗИФа. При таком переводческом методе расхождения между переводами и должны были свестись в основном к безразличной синонимике. Ввиду этого перевод под редакцией Е. Ф. Корша мы можем исключить из дальнейшего рассмотрения. Все, что мы будем говорить о переводе З. А. Венгеровой, можно с полным основанием отнести и к этому переводу.

Прямым следствием подобного эмпиризма в переводе является отсутствие эстетической позиции переводчика. Любопытно, что З. А. Венгерова как критик и литературовед имела свой взгляд на Франса, изложенный ею в ряде статей, но в своем переводе никак не воплотила его. В 1909 г. она писала: «Если пафос жизни и царство вкуса — два полюса, то Анатоль Франс во всем своем творчестве стоит на противоположном пафосу полюсе вкуса, воинствующего в помыслах и делах... Не пафос творческих восторгов, не скорбный смех отчаяния, а примирительная и, в сущности, безнадежная улыбка, которая все принимает и ничего не ждет, — вот формула современной Франции, знак ее духовной силы... Скептическая мудрость французской культуры воплотилась

[10] Там же, л. 4.
[11] Там же, л. 5.
[12] А. Франс. Собр. соч., в 20-ти томах. Т. I. Остров пингвинов. Перевод под ред. Е. Ф. Корша. М., 1928.

в современной Франции в самом выразительном и ярком ее писателе — Анатоле Франсе»[13]. В дальнейшем в этой статье З. А. Венгерова утверждает, что «сущность философии Франса — в отрицании критериев, в отрицании каких-либо святынь, а особенность его в том, что этот кажущийся нигилизм он соединяет с любовью к жизни»[14]. Характеристика Франса, даваемая З. А. Венгеровой, в 1909 г. была уже явно анахронистичной. После «Современной истории», «Кренкебиля», «На белом камне», «Острова пингвинов» представлять Франса универсальным скептиком-релятивистом, который «добру и злу внимает равнодушно», значило пройти мимо идейной эволюции писателя, не заметить того, что его скептицизм пережил глубокую трансформацию и обратился своим острием главным образом против официальных ценностей собственнического общества, превратясь в могучую критическую силу. Как ни странно, автор перевода «Острова пингвинов» ни словом не упоминает в статье о Франсе-сатирике. Гуманизм Франса З. А. Венгерова трактовала обуженно, исключительно в сентиментально-филантропическом смысле. В более поздней, неопубликованной статье «Ирония Франса» она писала: «Книжник Франс вынес, однако, другую, живую истину из мудрости веков... Истина эта человечная — единственно нужная людям и заключается в любви и сострадании»[15].

Таким образом, самые взгляды З. А. Венгеровой на творчество Франса не способствовали выявлению в ее переводе сатирической сущности романа. Но З. А. Венгерова, видимо, вообще не сопрягала свою литературоведческую интерпретацию романа с определенной установкой на выбор тех или иных языково-стилистических средств. В своих статьях она не без оснований, хотя и с некоторым пережимом, подчеркивала эстетизм Франса («воплощение французского вкуса»). Можно было бы ожидать, что в ее переводе проявится если не сатирическая острота, то по крайней мере особенно тщательная забота об отделке фразы, о стиле, который у Франса действительно является наивысшим выражением художественного совершенства прозы. Но З. А. Венгерова в своем переводе не поднялась выше уровня литературной грамотности, к тому же отнюдь не всегда безупречной.

В 1951 г. Гослитиздат выпустил «Остров пингвинов» в переводе З. А. Венгеровой, заново отредактированном Г. В. Рубцовой и А. А. Смирновым по варианту, изданному в свое время «Всемирной литературой».[16] Количественно незначительная правка заметно улучшила перевод в стилистическом отношении. В некоторых местах, неверно понятых по существу, перевод уточняется. Однако отсутствие эстетической позиции переводчика не могло быть компенсировано никакой редактурой.

В 1959 г. на смену переводу З. А. Венгеровой явился новый перевод, опубликованный в шестом томе последнего по времени восьмитомного собрания сочинений Анатоля Франса[17]. Автору перевода В. А. Дын-

---

[13] З. А. Венгерова. Литературная жизнь запада. «Русская мысль», 1909, кн. 3, стр. 100—102.

[14] Там же, стр. 103.

[15] З. А. Венгерова. Ирония Франса. Рукопись. Хранится в Пушкинском Доме, ф. 39, ед. хр. 418, л. 2.

[16] А. Франс. Остров пингвинов. Перевод З. А. Венгеровой под ред. Г. В. Рубцовой, А. А. Смирнова. М.—Л., 1951.

[17] А. Франс. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 6. Остров пингвинов. Перевод В. А. Дынник. М., 1959.

ник[18] принадлежит также обширная монография «Анатоль Франс. Творчество» (1934). Ею же написано предисловие к новейшему собранию сочинений Франса.

В. А. Дынник-франсовед сумела выявить органическую связь между художественными приемами Франса и идейно-философской основой романа. Главную особенность «Острова пингвинов» В. А. Дынник видит «в универсальном характере франсовской социальной критики»[19]. Композицию и стилистику романа В. А. Дынник выводит из этого основного его признака: «Этим обзорным заданием романа, этим испытующим вопросом, предъявленным в книге к самому смыслу человеческой цивилизации, и определяется единство „Острова пингвинов". Писатель несколько раз нервно меняет характер своего повествования, то имитируя тон наивной христианской легенды, то воспроизводя стиль средневековой хроники, то переходя на язык современного историка; но под покровом разнообразной стилистики основа франсовского стиля остается неизменной на протяжении всей книги, ибо неизменной остается тенденция Франса — показать нашу веками сложившуюся культуру в резком свете трезвого упрощения, лишенного всяких традиционных иллюзий, не подчиняющегося никакой вуалирующей привычной фразеологии. Над ученейшей иронией Франса, над искуснейшими методами стилистического пародирования доминирует все же разоблачительная простота плаката...»[20]. Констатируя, что в «странном мире» романа «все сплошь оказывается нелепостью и парадоксом», В. А. Дынник показывает (хотя лишь бегло), как этот взгляд на мир реализуется в образной структуре и языке «Острова пингвинов». Рассуждение по этому поводу она завершает выводом: «Так самый словарь писателя, само стилистическое оформление усиливают плакатно-гротескные черты изображаемого Франсом мира, подчеркивают гиперболизм и контрастность образов»[21].

Можно утверждать, что В. А. Дынник как переводчик «Острова пингвинов» постаралась отразить в переводе свою трактовку художественного своеобразия романа. Переводческий метод В. А. Дынник состоит, с нашей точки зрения, в максимальном выявлении стилистическими средствами тех приемов, к которым прибегает Франс для создания своего сатирически-гротескного повествования. Пародийное воспроизведение различных стилей, ироническое противопоставление изнанки и казовой стороны вещей, гиперболизм — все это дается в крайнем выражении, на пределе амплитуды колебаний внутри ряда возможных семантических соответствий оригиналу (расположенных по возрастающей стилистической экспрессивности).

Как правило, перевод верен оригиналу той высшей верностью, которая полностью сохраняет семантику и стилистический строй оригинала при относительном несоответствии отдельных компонентов и порой весьма значительной синтаксической перестройке. Если взглянуть на начальные абзацы «Предисловия» в переводе В. А. Дынник после приведенных выше вариантов, сразу бросится в глаза установка переводчика на передачу казенного стиля официальной историографии, пародийно воспроизведенной Франсом (курсивом выделены слова и обороты, способствующие созданию псевдонаучного казенного слога):

«*При всем разнообразии* развлечений, казалось бы занимающи

[18] Дынник Валентина Александровна (1897 г. р.) — советский ученый-литературовед и переводчик.

[19] Валентина Дынник. Анатоль Франс. Творчество. М.—Л., 1939, стр. 256.

[20] Там же, стр. 257.

[21] Там же, стр. 270.

меня, жизнь моя посвящена лишь одному *предмету.* Вся она *безраздельно служит осуществлению* великой задачи: я *составляю* историю пингвинов. И работаю упорно, несмотря на *постоянно возникающие* трудности, порою непреодолимые.

Я *производил раскопки, извлекая* из-под земли древние памятники этого народа. Камни были первыми книгами человечества. Я изучал камни, *представляющие собой как бы* начальную летопись пингвинов. На берегу океана *мною был разрыт* еще никем не тронутый курган; я обнаружил в нем, как это обычно бывает, каменные топоры, бронзовые мечи, римские монеты и монетку в двадцать су с изображением французского короля Луи-Филиппа Первого.

Что касается времен исторических, то здесь мне оказала большую помощь летопись Иоанна Тальпы, монаха Бергарденского монастыря. Я *черпал из нее обильные сведения,* тем более, что по истории пингвинского раннего средневековья другими источниками *мы до сих пор не располагаем»* (1959, стр. 7). И далее: «Когда сохранилось только одно-единственное свидетельство *о некоем факте, он устанавливается нами без особых колебаний.* Нерешительность возникает лишь *при наличии* двух или более свидетельств о каком-либо событии, так как они всегда противоречат одно другому и *не поддаются согласованию.* Конечно, предпочтение того или иного исторического свидетельства всем остальным *покоится нередко на прочной научной основе»* (1959, стр. 8). Теперь пародийная стилизация выступила наружу с предельной отчетливостью. Историк, от имени которого говорит здесь Франс, прибегает к «высокоученой» лексике и фразеологии, которая будто бы должна внушать читателю священный трепет перед Наукой, но может вызвать лишь улыбку, поскольку речь идет всего только об «истории» глупых птиц (то, что название «пингвины» будет в дальнейшем употребляться как псевдоним, ему еще неизвестно). Реакция читателя должна быть однозначной: как же смешны эти пыжащиеся, корчащие из себя ученых и даже преисполненные энтузиазма («безраздельно»!) историки, если они посвящают себя таким пустякам! А какой замечательный штрих вносит в перевод «монетка в двадцать су» (не «монета»!). Она сразу обесценивает археологические изыскания историка — не только потому, что древность кургана, где эта «реликвия» была найдена, оказывается, таким образом, поддельной, но и вследствие явной и противоречащей всему остальному несолидности самого предмета (монетка в двадцать су — мелочишка). Переводчик отлично оценил, что в этой вводной части, нагнетая «ученость», «маслом каши не испортишь». З. А. Венгерова не рискнула сохранить в русском переводе мало кому понятное слово «сигиллограф» («sigillographe») и перевела его по смыслу: «специалист по изучению печатей». В. А. Дынник правильно сочла, что художественно-стилистическая функция этого слова — именно в его ученой терминологической непонятности и перевела фразу так: «Но как-то раз, после разговора с одним из светил сигиллографии...» Загадочная, никому не ведомая наука, а в ней, оказывается, есть свои светила! Кому же они светят? Очевидно, какой-то замкнутой касте, бесконечно далекой от жизни народа. «Светило» передает здесь французское прилагательное «éminent» буквально «выдающийся» (так и перевела его З. А. Венгерова). Смысл тот же, а экспрессия другая! Стилистика насыщает здесь микроэлементы текста глубоким идейным содержанием в соответствии с общим замыслом автора.

Та же «педализация» учености наблюдается в последующем рассуждении о пингвинах, пародирующем язык естественнонаучных трудов: «Пускай же будут существовать пингвины южные и пингвины се-

верные, альцидовые (или прежние пингвины) и сфенисцидовые (или прежние маншоты)» (1959, стр. 11). З. А. Венгерова и ее редакторы побоялись таких прилагательных, как «альцидовые» и «сфенисцидовые». В. А. Дынник смело ввела в перевод эти непонятные широкому читателю термины, верно расценив, что благодаря этому псевдонаучные классификационные заботы плоскоэмпирической позитивистской науки предстанут в особенно смешном виде. Того же принципа придерживается В. А. Дынник во всем переводе, манипулируя различными стилями.

В повествовании о житии и «подвигах» св. Маэля переводчик должен соблюсти в языке житийное «благолепие», контраст которого с буффонным (крещение птиц!) и порой отнюдь неблагочестивым содержанием есть одно из средств проявления франсовской иронии. Франс любит озорно подрывать степенность и истовость житийного слога неожиданными вкраплениями вульгаризмов. Воспроизводить их надо достаточно тактично, но при этом необходимо добиваться обнаженного столкновения двух противоположных стилей. У В. А. Дынник стилевая полярность выступает с полной отчетливостью, тогда как З. А. Венгерова явно и не стремилась выявить ее. Продемонстрируем сказанное на переводе одного характерного в этом отношении отрывка. (Здесь и далее курсив, выделяющий принципиальные разночтения, мой. — *В. Ш.*)

В. А. Дынник: «Царила в ней (в обители. — *В. Ш.*) и другая причина беспорядков. Монахини острова Гад *в прискорбном забвении былой добродетели* то и дело подплывали в лодке к ивернскому берегу. Монахи принимали их в странноприимном доме, и *греховный соблазн* распространялся все больше и больше, приводя в отчаяние благочестивые души.

Свое *правдивое повествование* аббат Будок закончил следующими словами:

— Появление этих *инокинь погубило* невинность и покой наших монахов.

— Готов этому поверить, — отвечал блаженный Маэль — *Ибо* женщина — это *ловко расставленная* западня. *Только почуял ее — и уже попался!* Увы, *восхитительная прелесть* этих созданий издали действует еще сильнее, чем вблизи. И чем меньше они удовлетворяют страстное желание, тем больше внушают его. Именно поэтому и сказал поэт, обращаясь к одной из них: „Вы здесь — от вас бегу, вас нет — я снова с вами"» (1959, стр. 21).

Речь идет здесь о распутстве слуг божьих. Но слова при этом употребляются истово благочестивые, достойные святого жития. Чего стоит одно только назидательное «ибо»! И вдруг святой Маэль не выдерживает тона: энергичной вульгарно-разговорной сентенцией он наивно выдает беспомощность монашеской добродетели перед соблазнами плоти. Комизм усиливается анахронизмом: в речь средневекового святого вставлен стих из Расина, драматурга XVII века. Рационалистическая стройность этого стиха, характерная для классицизма и также дисгармонирующая с житийным стилем, отлично передана переводчиком.

З. А. Венгерова (редакция «Всемирной литературы»): «Была еще одна причина смуты. Монахини острова Гада, *отступившиеся от своей первоначальной строгой добродетели,* поминутно (?) приезжали в лодках на ивернский берег. Монахи принимали их в странноприимном доме и *следствием этого были бесчинства,* погружавшие в отчаяние благочестивые души.

Закончив свой *точный отчет*, аббат Будок прибавил:

— С тех пор, как появились у нас монахини, наступил конец невинности и душевному покою наших иноков.

— Я вполне этому верю, — ответил блаженный Маэль. — Женщина — западня, *хитро устроенная: в нее попадешься, как только ее почуешь...* Увы! *Очаровательный соблазн* этих созданий еще могущественнее действует издали, чем вблизи. Они тем сильнее будят страсть, чем меньше ее удовлетворяют. Вот почему поэт сказал одной из нас (??): „При вас я вас бегу, без вас я нахожу вас"» (1919, стр. 18). В этом переводе нет благолепной житийной фразеологии, вместо нее — стилистически нейтральные слова и галлицизмы («очаровательный соблазн», «они тем сильнее будят..., чем меньше...»). Вульгарность фразы с глаголом «почуешь» смазана. Расиновский стих переведен неуклюже (четыре раза «вас»). Все банализовано, сведено к среднеарифметическому уровню.

Смешение «высокого» с «низким» в языке романа мы находим и в других главах, в частности в «Совещании в раю». Святые, ведущие ученую дискуссию, то и дело забывают о своем сане и начинают браниться, как рыночные торговки. Сам господь бог грубо обрывает святых угодников и тут же пускает в ход подобающую ему торжественную фразеологию, окостенелость и бессмысленность которой подчеркивается Франсом. Этот потешный стилевой контраст мастерски передает В. А. Дынник: «*Знаю лучше вас!* — отвечал господь, — Я *охватываю одним взором* и трудные задачи нынешних времен, и задачи *времен грядущих,* не менее трудные. И вот могу возвестить вам, что когда солнце *совершит еще двести сорок раз свой путь вокруг земли...*

— *Какой возвышенный язык!* — воскликнули ангелы.

— И достойный творца вселенной! — поддержали священнослужители.

— Такие *обороты речи* связаны с моей старой космогонией, — заметил господь, — и если я откажусь от нее, *это нанесет ущерб моей неизменности...*» (1959, стр. 35).

В переводе З. А. Венгеровой (редакция «Всемирной литературы», восстановившая «господа» вместо «архангела») снова стерты все стилистические краски: «— *Я знаю это лучше вас*» (грубость резко ослаблена местоимением *я.* — *В. Ш.*), возразил господь. — *Я вижу одновременно трудно разрешимые* (модернизация. — *В. Ш.*) *теперешние* задачи и *задачи будущего* (нейтрально. — *В. Ш.*), не менее трудные. Я мог бы, таким образом, возвестить вам, что после того, как солнце *обойдет* (нейтрально. — *В. Ш.*) вокруг земли еще двести сорок раз...

— *Божественный* язык! — воскликнули ангелы (это может значить, что сказанное звучит прекрасно или что язык таков, какой подобает богу, т. е .то же самое, что утверждается в следующей реплике; но этим не определяется стиль речи бога, а его-то, по замыслу Франса, и следует здесь подчеркнуть. — *В. Ш.*).

— Достойный создателя мира, — откликнулись папы.

— Это, — продолжал господь, — *выражение* (снова не о языке, тогда как у В. А. Дынник именно на этом сделан акцент. — *В. Ш.*), соответствующее моей старой космогонии: отказаться от нее трудно, *не изменяя своей неизменяемости* (1919, стр. 27) (игра слов довольно неуклюжая: не изменяя чего или чему? В оригинале игры слов нет. — *В. Ш.*).

Один из излюбленных приемов Франса в «Острове пингвинов» — гипербола, дискредитирующая излагаемую идею.

Вот, например, пассаж из главы, в которой Франс подвергает сатирическому осмеянию французскую реакционную военщину, сфабри-

ковавшую знаменитое «дело» офицера генерального штаба Дрейфуса, ложно обвиненного в государственной измене. В романе Дрейфус фигурирует под именем Пиро.

У З. А. Венгеровой: «В моих архивах имеются семьсот тридцать два квадратных метра улик по пятисот килограммов каждая, что составляет триста шестьдесят шесть тысяч килограммов улик» (стр. 184—185). Смешно, что улики измеряются на квадратные метры и килограммы, но никакой заслуги переводчика в этом нет. Кроме того, в переводе есть неточность: в самом деле, не каждая же отдельная улика весит пятьсот килограммов. У В. А. Дынник: «— Мерзавец Коломбан утверждает, что у нас нет доказательств против Пиро. Это ложь, они у нас есть; у меня в архиве они занимают семьсот тридцать два квадратных метра, что, *считая по пятисот килограммов на квадратный метр, составит в целом* триста шестьдесят шесть тысяч килограммов» (стр. 187). Перевод В. А. Дынник точнее, а главное, в нем усилен бухгалтерский характер учета улик по площади и по весу, что заостряет гиперболу и повышает комический эффект.

В публицистических пассажах, где сам автор ведет открыто обличительную речь, текст оригинала, как правило, ясен и прост, и, казалось бы, различие между переводами может свестись только к безразличным по существу синонимам. Однако сопоставим два перевода одного пассажа такого рода.

З. А. Венгерова (изд. 1919 г.): «Новый государственный строй получил название Общественного дела, или Республики. Приверженцев его называли республиканистами или республиканцами. Кроме того, их называли дельцами или иногда плутами, но последнее название считалось оскорбительным. Пингвинская демократия не управлялась сама собою; она подчинялась финансовой олигархии, которая создавала общественное мнение через газеты и держала в своей власти депутатов, министров и президента. Она властно управляла финансами республики и направляла внешнюю политику.

Империи и королевства того времени содержали огромные армии и флоты. Принужденная ради своей безопасности следовать их примеру, Пингвиния погибла (видимо, опечатка; следовало: погибала. — *В. Ш.*) под тяжестью военных издержек. Все сожалели или делали вид, что сожалеют об этой тяжкой обязанности, и все-таки богатые люди, купцы и дельцы, охотно подчинялись ей из патриотизма и потому, что нуждались в солдатах и во флоте для защиты своего имущества и для приобретения новых рынков и новых земель. Крупные фабриканты стояли за постройку судов и пушек в интересах национальной обороны, а также для получения заказов. Среди граждан среднего достатка и свободных профессий одни мирились с таким порядком вещей, думая, что он продолжится навсегда, другие же нетерпеливо ждали перемены и надеялись добиться от всех правительств одновременного разоружения» (1919, стр. 119—120).

В. А. Дынник: «При новом строе государство получило название республики, что означает „Общественное дело“. Сторонники ее получили наименование республиканистов или республиканцев. Их называли также „ поддельщиками“, а то и сволочью, последнее, впрочем, считалось слишком грубым.

Пингвинская демократия не была независима, она повиновалась финансовой олигархии, которая создавала общественное мнение при помощи газет и держала в своих руках депутатов, министров и президента. Она бесконтрольно распоряжалась финансами республики и направляла внешнюю политику страны.

Каждая империя, каждое королевство содержали тогда огромную армию и флот; вынужденная ради своей безопасности подражать им в этом, Пингвиния изнемогала под тяжестью военных расходов. Все сетовали, искренне или притворно, на столь суровую необходимость, однако богатые люди, торговцы и дельцы, охотно подчинялись ей — из патриотизма, а также в расчете на то, что солдаты и моряки защитят их собственность и приобретут для них за пределами страны новые рынки и территории; крупные промышленники стояли за производство пушек и кораблей, движимые рьяным желанием защищать государство и получать все новые заказы. Из граждан среднего достатка и людей свободных профессий одни безропотно подчинялись такому порядку вещей, считая его незыблемым, другие с нетерпением ждали его прекращения и надеялись добиться от правительств одновременного всеобщего разоружения» (1959, стр. 118—119).

Если внимательно вглядеться в оба текста, а не читать их беглым взглядом, с очевидностью обнаружится, что разница между ними достаточно существенна. Интенсивность обличительных слов в переводе В. А. Дынник сильнее, чем в переводе З. А. Венгеровой. В каждом отдельном случае повышение степени интенсивности может быть едва заметным, но в целом тональность пассажа оказывается другой, обличение становится более резким и беспощадным. Сущность буржуазно-республиканского строя выступает в более обнаженном виде.

Сопоставим варианты некоторых элементов текста в переводах З. А. Венгеровой и В. А. Дынник: «дельцы» — «поддельщики» (франц. chosards; нужно такое слово, которое связано с переводом латинского res publica 'общественное дело', франц. chose publique и имело бы явно уничижительный смысл. Только тогда передается каламбурная игра слов оригинала); «плуты» — «сволочь»; «не управлялась сама собой»— «не была независима»; «подчинялась — повиновалась» («подчиняться» не всегда значит выполнять чужую волю; «повиноваться» не оставляет сомнений в поведении субъекта при этом глаголе); «держала в своей власти» — «держала в своих руках» (более уничижительно); «властно управляла» — «бесконтрольно распоряжалась» (даже властности не надо было проявлять: просто хозяйничала, как хотела); «для защиты своего имущества» — «... защитят их собственность» (точный политико-экономический термин, вскрывающий классовый характер интересов тех, о ком идет речь в предложении); «в интересах...» — «движимые рьяным желанием» (классовый интерес не абстракция, а живейший стимул поведения); «мирились с таким порядком вещей» — «безропотно подчинялись такому порядку вещей» (более уничижительно); «думая, что он продолжится всегда» — «считая его незыблемым» (звучит более безнадежно); «ждали перемены» (какой?) — «ждали его прекращения» (сказано ясно и конкретно).

При всей простоте текста он стилистически не однопланов. В него вкраплены, как «раскавыченные» цитаты, некоторые штампы демагогической, лицемерной фразеологии апологетов буржуазного общественного порядка. Они тут же разоблачаются тем, что с ними соседствует; иронический смысл их включения в текст очевиден в оригинале. Его и выявляет В. А. Дынник, тогда как З. А. Венгерова стирает иронический оттенок, создавая ложное впечатление, будто каждое слово в данном отрывке выражает авторское мнение. Например: «Все сожалели или делали вид, что сожалеют об этой тяжкой обязанности... Все сетовали, искренне или притворно, на столь суровую необходимость...» «Суровая необходимость» — газетный и ораторский штамп, которым в дореволюционной России, так же как и его эквивалентами на других языках

(dure nécessité по-французски), прикрывалась империалистическая гонка вооружений.

Можно сказать, что публицистический язык В. А. Дынник ближе к нашим дням, чем язык З. А. Венгеровой. Это наблюдение интересно в плане эволюции стилей русского литературного языка. Язык В. А. Дынник несомненно отражает опыт, накопленный советской публицистикой; переводчица пользуется лексикой и фразеологией, ставшей для нас привычной, тогда как в переводе З. А. Венгеровой некоторые элементы воспринимаются ныне как устарелые. Модернизация публицистического языка в переводе В. А. Дынник не есть, однако, просто «стихийное» явление. Как мы видели, В. А. Дынник превосходно умеет архаизировать язык там, где в этом есть надобность.

Переводя публицистический пассаж с помощью языковых средств современной политической литературы, В. А. Дынник преследует определенные идейно-эстетические цели. Они проясняются, если сопоставить характерные в этом смысле расхождения между переводом З. А. Венгеровой (в каждой паре первый вариант) и переводом В. А. Дынник (второй вариант): «не управлялась сама собою» — «не была независима»; «через газеты» — «при помощи газет»; «властно» — «бесконтрольно»; «военных издержек» — «военных расходов», «купцы» (слово, характерное скорее для социальной действительности дореволюционной России) — «торговцы»; «для приобретения... новых земель» — «приобретут новые... территории»; «крупные фабриканты» (то же слово, характерное в особенности для дореволюционной России) — «крупные промышленники»; «добиться... одновременного разоружения» — «добиться... одновременного всеобщего разоружения».

Текст Франса в переводе В. А. Дынник звучит в высшей степени злободневно. Переводчица обеспечила идейную действенность произведения, не совершив над ним ни малейшего насилия. Язык наших дней оправдан и необходим здесь в переводе, ибо самая сущность империализма с тех времен, когда был написан «Остров пингвинов», не изменилась, и буржуазная демократия отмечена теми же органическими пороками, которые обличал Франс.

Суммируем сделанные нами наблюдения и попытаемся формулировать вытекающие из них выводы.

1. История переводов «Острова пингвинов» прошла через те этапы, которые характеризуют русский прозаический перевод в XX веке: перевод небрежно-вольничающий сменился буквалистским, и наконец возник перевод художественно полноценный.

При этом принципиальной разницы в определении минимального объекта перевода между переводом, допускавшим вольничанье, и переводом буквалистским, не было.

2. В истории перевода одного и того же произведения прозы в прежние времена нередко появлялись переводы, по сравнению с предыдущими, тавтологические, само возникновение которых не оправдано, ибо они не внесли ничего нового в трактовку текста (в данном случае — перевод «Острова пингвинов» под ред. Е. Ф. Корша).

3. От характера передачи семантики и стилистики романа Франса зависит его сатирически-памфлетная сила в переводе, а следовательно, и общественное звучание.

4. Стилистическое многообразие, столкновение контрастных стилей у З. А. Венгеровой оказались приглушенными, нейтрализованными. Поскольку З. А. Венгерова была критиком, интерпретатором творчества А. Франса и опытным переводчиком, этот принципиальный недостаток ее перевода следует отнести прежде всего за счет сравнительной не-

развитости искусства перевода художественной прозы до современной эпохи.

5. Перевод и литературоведческая интерпретация творчества писателя не сопрягались раньше, даже если переводчик оказывался и литературоведом.

6. Новый перевод «Острова пингвинов» прочно стоит на почве современного литературоведческого толкования творчества Франса в целом и данного произведения в частности. В этом отношении он является иллюстрацией нового, более углубленного подхода к переводу, являющемуся достижением советской переводческой теории и практики последних десятилетий. Этот подход обеспечил решение сложной задачи — воспроизведение пародийной стилизации в романе Франса и тем самым сохранение в переводе его сатирической обличительной силы.

7. Как и во всех лучших современных переводах, достижение художественности перевода и воспроизведение стилистической многослойности оригинала осуществляются посредством ряда лексико-синтаксических перестроек, заботой о соблюдении речевой естественности всевозможных словосочетаний.

8. Труд В. А. Дынник — отличный образец идейной целеустремленности, характерной для советского переводческого искусства наших дней: в нем нашел себе яркое выражение принцип актуализации и выявления языково-стилистическими средствами прогрессивного идейного содержания и общественного значения выдающихся произведений мировой литературы.